

Адам Смартус и дело Института глубоких физических проблем

Художник Е. Силина

На пульт охраны Института глубоких физических проблем пришло сообщение:

«В 14.00 в лаборатории тяготения и отталкивания произойдет активизация взрывного химического устройства, начиненного концентрированным агентом X. Срочно примите меры к спасению персонала.

Больше чем друг».

Начальник охраны Тумб в смятении посмотрел на часы. 13.53, то есть всего семь минут для эвакуации сотни ценнейших ученых. Хватит ли времени, чтобы спасти всех?

Рука Тумба потянулась к кнопкам экстренного оповещения. Желтая кнопка подавала сигнал «радиоактивное заражение», зеленая — «химическое заражение», красная — «угроза разрушения». Красную кнопку ему довелось нажать лишь однажды, когда приехала комиссия из совета попечителей и привезла план по сокращению финансирования.

Он безошибочно выбрал зеленую кнопку. Компьютер попросил уточнить место заражения. Тумб уточнил: зона С (так для краткости называлась лаборатория тяготения и отталкивания).

— Звони в службу спасения, — сказал он помощнику, а сам набрал номер руководителя лаборатории доктора Валленброка.

— Что за чертовщина здесь творится! — заорал Валленброк. Ему пришлось напрячь голос, чтобы перекрыть сирену.

— Есть угроза серьезного заражения, — громко ответил Тумб. — У вас пять минут, чтобы эвакуировать лабораторию. Выходите через грузовые ворота, я сейчас там.

— Я прикажу надеть респираторы и скафандры.

— Ни респираторы, ни противогазы не спасут от агента Икс. Я знаком с этой гадостью. По сравнению с ним гамбургеры в нашей столовой — просто слабительное. К тому же на скафандры у вас не хватит времени. Бросайте все и бегите к воротам. — И Тумб понесся во внутренний двор, куда выходили грузовые ворота зоны С.

Там уже толкались до смерти напуганные ученые, но при этом не забывали друг перед другом извиняться. Спасались, однако, не только ученые. Глаза Тумба полезли на лоб: среди людей он заметил роботов (в лаборатории тяготения и отталкивания работало пятьдесят

Максим
Дегтярев

ФАНТАСТИКА

роботов, и, похоже, все они решили последовать за людьми). «Спятели они там, что ли?» — подумал Тумб. «Они» — это относилось, конечно, к людям.

Валленброк пропустил вперед всех роботов и вышел последним. Была уже одна минута третьего. Отойдя от ворот на три шага, он обернулся и понюхал воздух. Тумб схватил его за рукав:

— Агент Икс не пахнет! — И потащил завлаба прочь.

Над институтом показались два вертолета — полицейский и службы спасения. Люди и роботы задрали головы. «Опять нам разгружать», — решили последние.

— Бомбу нашли?

— Нет, как и следовало ожидать.

Комиссар Жером стряхнул сигарный пепел в нижнее полушарие звездного глобуса. В верхнем, перевернутом и стоявшем отдельно, рос кактус, *Turbinicarpus macrochele*, но до него было лень тянуться. Адам Смартус отправился искать пепельницу.

— Не ищите, — сказал ему вслед комиссар, — я скоро ухожу.

Вернувшись с пустой банкой из-под кофе, Смартус проворчал:

— Не знаю... Ничего интересного, по-моему. Сетевой хулиган. Вот если бы вы нашли...

— Пусть не бомбу, но кое-что мы действительно нашли.

— Наверное, грузовик с плутонием.

— Почему грузовик? — удивился комиссар.

— Если бы было что-то помельче, вы бы принесли это сюда, чтобы показать.

— А я и принес. — Комиссар вытащил из кармана маленький черный цилиндр. Он был не больше капсулы от мигрени. — Угадывайте, что это?

— Видеокамера.

— Правильно. Может, вы знаете, где она была?

— В вашем кармане.

— Я имею в виду, где ее нашли.

— И где же?

— На стене. На бетонной стене, ограждающей внутренний двор института. С трех сторон двор окружен институтскими корпусами. С одной стороны — стена, три метра в высоту. Камеру прилепили пластилином на уровне глаз, и направлена она была в сторону ворот зоны С, откуда выводили персонал. Когда оба вертолета садись, ученым ничего не оставалось, как прижаться к стене. Один из них наткнулся на пластилин. Сначала он подумал, что это посеревшая от пыли жвачка, и приказал одному из роботов ее убрать. Робот идентифицировал предмет как находящийся вне его компетенции. Тогда ученый позвал Тумба, и уж Тумб-то сообразил, что это

такое.

— Вы считаете, эта камера имеет отношение к происшествию?

— Вне всяких сомнений. Камера снабжена передатчиком. Преступник с расстояния наблюдал, каким путем будет происходить эвакуация, куда поведут людей и сколько времени это займет. Он явно задумал что-то более серьезное.

— Может быть, — покачал головой Смартус. — Как минимум, вы теперь знаете, что он не работает в институте. В противном случае он мог бы наблюдать за происходящим из окна.

— Точно. Именно так мы и решили.

— Как вы думаете, долго камера находилась на заборе?

— Судя по слою пыли на пластине, два или три дня.

— За это время было много посетителей?

— В том-то и проблема. Три дня назад в административном корпусе проводился научный семинар по... — комиссар заглянул в блокнот, — ух ты, по спасению Вселенной от фантомной энергии. Интересно, что это такое?.. Помимо сотрудников института, на семинаре присутствовали еще двадцать пять человек. Многие из них выходили во двор покурить. Но мы сейчас просеиваем всех — не только курильщиков.

Смартус попросил разрешения взглянуть на список участников семинара. Жером не видел причин для отказа: ведь Смартус его друг, сосед и, более того, самый проныцательный детектив из всех, с кем комиссару доводилось иметь дело.

— Ну-с, посмотрим, — сказал Смартус, когда изображения двадцати пяти подозреваемых показали на экране компьютера.

Комиссар пояснил:

— Я отметил, во-первых, курильщиков и, во-вторых, не физиков.

— Вы имеете в виду, что физик угрожал бы ядерным взрывом?

— Я имею в виду, что вот, например, ему, — Жером ткнул пальцем в одну из фамилий, — на семинаре делать было нечего.

По мнению комиссара, лишним на семинаре оказался некто Шейкер, коммерсант с неопределенными интересами. Шейкер заявил, что забрел в институт просто из любопытства.

— Он проходил по делу о научном шпионаже, — добавил комиссар.

Кроме Шейкера, Жером отметил еще троих не физиков. Ими были: Тидл Мориц, нейрохирург, отдел бионики Объединенного медицинского университета; Просперус Румиди, философ-практик, Центр слежения за невыносимой легкостью бытия; Абрахам Танк, ведущий конструктор боевых роботов, Эй-Ай-вооружения, лтд.

— Фамилии этих людей ни о чем не говорят, — резюмировал Смартус, — но обещаю, что буду о них думать.

— И на том спасибо, — кивнул комиссар, выпуская облако едкого, как агент X, дыма. Он затушил сигару где-то в районе Южного Треугольника и направился к выходу. Смартус пошел его провожать. Подавая комиссару плащ, он спросил:

— За каким дьяволом они эвакуировали роботов?

— Валленброк сказал, что они ему как родные. Он больше не сможет смотреть им в окуляры, если бросит их на произвол судьбы.

— Но для роботов агент Икс безвреден.

— Он-то мог об этом не знать.

Смартус подумал, что своего Пифагора он бы тоже не бросил. Кстати, куда он запропастился? С утра ушел в мастерскую, чтобы поменять графит в подшипниках, и вот уже семь вечера, а его все нет.

Не желая отвлекать друга от умных мыслей, комиссар Жером тихо прикрыл за собой дверь.

А Смартус его обманул. В ближайшие часы он не собирался думать о деле Института глубоких физических проблем, потому что еще не разобрался с предыдущей загадкой, а думать о двух загадках одновременно он не умел.

Проблема, преследовавшая его последние две недели, впервые проявила себя вполне невинно. Разносчик принес пиццу, которую он не заказывал. Смартус не стал спорить, принял пиццу как свою, расплатился и съел ее, тем более что она была составлена из его любимых ингредиентов.

Второй случай произошел спустя неделю. Некая дама вздумала уверять его, что он назначил ей свидание. Смартус решил, что вряд ли ему повезет с дамой так, как с пиццей, и свидание отменил. Он послал ей букет роз, чтобы она извинила и его самого, и того остолопа, с которым его перепутали... Отсюда уже видно, что указанная проблема не только истощала нервную систему Смартуса, но и подрывала его бюджет.

Если эти два происшествия еще можно было объяснить случайным стечением обстоятельств, то вчерашнее письмо из «Королевского энтомологического журнала» требовало более серьезного анализа. Журнал уведомил Смартуса, что его статья о влиянии процентных ставок на цвет крыльев яблоневой плодожорки отклонена рецензентом. До сих пор еще ни один журнал не отказывал Смартусу, и его первым порывом было узнать имя того рецензента и поквитаться с ним в рамках принятых среди джентльменов правил. Но едва гнев прошел, Смартус вспомнил, что ничего о бабочках не писал и в «Королевский энтомологический журнал» соответственно не отправлял. Оставалось лишь выяснить, откуда взялась статья за его подписью: опять случайность, происки жалких завистников или чья-то графомания под действием галлюциногенов?

Он изучал последний вариант, когда вернулся Пифагор и помахал руками, едва не задев хозяина по носу.

— Ты где пропадал? — строго спросил Смартус.

— Когда? — искренне поинтересовался робот.

— Начни с девяти утра. Я скажу, когда остановиться.

Тот принялся монотонно перечислять:

— Дома, на улице, ведущей к метро, я не знаю ее названия, в метро, в мастерской господина Ломберта, в такси...

— Ты брал такси?

— Я опаздывал.

— Хорошо, — Смартус взял себя в руки, — куда ты опаздывал?

— В «Киберинтеллект-клуб».

Смартус ценил в роботах тягу к знаниям, поэтому не стал сердиться.

— И что ты там делал? — спросил он с усмешкой.

— Участвовал в конкурсе по тесту Тьюринга.

— Вот как! Изображал из себя человека?

— Да. Только это называется «имитация человеческого сознания».

— И как успехи?

— Первое место в категории до ста терракубитов. Извините, я хотел сделать вам сюрприз.

— Молодец! — Смартус похлопал робота по плечевому шарниру. — Я всегда в тебя верил. Думаю, ты заслужил подарок.

— Мне уже вручили подарок.

— Какой?

— Талон на распродажу нейронов в супермаркете «Интел».

— Там ты и задержался?

— Да. Вы не представляете, какие там очереди в примерочную.

— Ну, хорошо. Так и быть, ужин сегодня я приготовлю сам.

На кухне Смартуса посетила нехорошая мысль. (Его всегда посещают нехорошие мысли, когда упаковка замороженных продуктов взрывается в микроволновке.)

— Пиф! — позвал он робота.

— Что, босс?

— Расскажи, как ты готовился к конкурсу.

— Я тренировался.

Тут Смартус не сдержался:

— На ком? На разносчике пиццы, на несчастной одинокой женщине и в конце концов на мне?

На робота было жалко смотреть.

— Простите меня, господин Смартус. Вы во всем для меня пример. Поэтому я изображал вас.

— Плохо изображал! Твою статью о яблоневой обжорке отклонили!

— Плодожорке, босс. В следующий раз я напишу лучше.

— Следующего раза не будет. Иди... Или нет, постой. Говори, на чем тебя подловили. — Смартус поберег бы самолюбие робота, если бы тот не провинился.

— Меня спросили, что лучше, зеленое или железное.

— И ты?

— Сказал, что вопрос сформулирован некорректно. И во мне сразу признали робота.

— Еще бы! Разумеется, железное лучше.

— Странно. И контрольный человек ответил так же... А почему, господин Смартус?

— Тебе этого не понять.

— Если бы вы сказали такое на тесте Тьюринга, вас тут же объявили бы роботом. Банальный уход от ответа.

— Значит, все люди немного роботы. Либо тест Тьюринга несовершенен.

— Я склоняюсь ко второму.

— А я к первому, — возразил Смартус. — Чувство противоречия тут ни при чем.

И тут у него возникла многообещающая идея.

Пожинав остатками со стенок микроволновки, он приступил к сбору сведений о лаборатории тяготения и оттачивания Института глубоких физических проблем. Из

ФАНТАСТИКА

институтского сайта он узнал, что Валленброк занял свою должность всего четыре месяца назад. До него лабораторию возглавлял доктор Гельмгольц, пока в ходе подготовки опасного эксперимента не опрокинул на себя соколитровую бутылку с серной кислотой.

Смартус подозвал робота и рассказал ему обо всем, что случилось в институте, не скрыв ни единого имени из подготовленного Жеромом списка. Рассказал и спросил:

— С кем из них ты поговорил бы в первую очередь?

Пифагор проглядел файл с именами участников семинара до конца и указал на последнюю строчку:

— Вот с ним.

Последняя строчка гласила: «За истинность вышеизложенного ручается комиссар Жером».

Робот объяснил:

— Произошло преступление. Следовательно, надо обратиться в полицию.

— М-да, — протянул Смартус, — до меня тебе все еще далеко.

Заведующий отделом бионики Тидл Мориц быстро понял, что отпираться бесполезно. Но он не знал, с чего начать. Смартус подсказал:

— С того дня, когда умирающего Гельмгольца привезли в ожоговый центр.

Мориц с жаром заговорил:

— Он действительно умирал, но его мозг не был поражен. То есть Гельмгольц еще находился в сознании и знал, что умирает. Я предложил ему участвовать в эксперименте. Технология соединения человеческого мозга и машины была только-только разработана. Но Гельмгольц согласился сразу же, однако поставил условие: чем бы ни закончился эксперимент, я должен объявить, что произошла неудача. Если киборг не подаст признаков жизни, я должен отключить систему жизнеобеспечения мозга даже при обнаружении нейроактивности. Ну а в случае удачи Гельмгольц вправе самостоятельно решать, сообщать ли общественности о своем воскрешении. Все это я принял безоговорочно.

— Исход эксперимента превзошел все наши ожидания. Мозг ученого полностью восстановил работоспособность. Гельмгольц мог видеть, слышать, говорить, двигать механическими конечностями (к этому, правда, ему пришлось долго привыкать), и, что самое главное, он мог думать ничуть не хуже, чем раньше. Более того, он избавился от прежних недугов, вызванных старением. Получив тело робота, он вернулся к занятиям теоретической физикой. А я с нетерпением ждал того часа, когда мне разрешат обнародовать результаты эксперимен-

та. Но Гельмгольц просил не торопиться, и я строго следовал нашей договоренности. Примерно месяц назад он сказал мне, что закончил какие-то важные расчеты. «Самое время сообщить о них миру», — ответил я, подразумевая, что и мне найдется о чем сообщить. Но он снова попросил подождать. Я не удержался и опубликовал статью, где говорилось, что технология по созданию киборгов прошла предварительные испытания и в скором времени я представлю тому доказательства. Эта статья возмутила Гельмгольца. Он обвинил меня в нарушении договоренности. Неделю мы с ним не разговаривали, а затем он пропал.

— Откуда, из университетской лаборатории? — удивился Смартус.

— Нет, из моего дома. Для соблюдения тайны я перевез его к себе домой. Мои коллеги убеждены, что Гельмгольц — вернее, его мозг — умер сразу после пересадки.

— Очевидно, ему помогли сбежать.

— Да, я тоже пришел к такому выводу.

— Валленброк?

— Уверен, что он.

— Почему?

— Через десять дней после исчезновения киборга Валленброк объявил, что в его лаборатории начата подготовка к новому эксперименту. Я проконсультировался у одного знакомого физика, и он подтвердил, что эксперимент Валленброка имеет прямую связь с теми расчетами, которые проводил Гельмгольц. Мне стало ясно, что Гельмгольц находится теперь у Валленброка. То есть в институте, в лаборатории.

— И чтобы это проверить, вы установили видеокамеру у ворот, а затем послали письмо с предупреждением о газовой атаке. Короче говоря, вы решили его оттуда выкурить.

— Если вам угодно это так называть, — пожал плечами Мориц.

— Насколько киборг Гельмгольц автономен?

— В значительной степени. Кислород он получает из воздуха, глюкозу можно покупать в аптеке, энергия — от обычного аккумулятора, который, конечно, время от времени нуждается в подзарядке.

— Вы узнали Гельмгольца среди эвакуированных роботов?

— Нет. Я думаю, Валленброк сменил ему внешний корпус. Сделать это нетрудно.

— Предусмотрительный тип. И сообразительный: он вычислил ваш план и эвакуировал всех роботов без исключения. Наверное, это Гельмгольц предупредил его, что вы способны предпринять что-то подобное. Кстати, ваш бывший подопечный не пытался с вами связаться?

— Однажды он мне позвонил — дня через три после побега.

— И что он сказал?

— Если в двух словах, то попросил забыть о его существовании.

— А у вас остались доказательства его существования?

— Нет. Все материалы я хранил в компьютере. Перед побегом Гельмгольц уничтожил файлы.

— Кроме Валленброка, в институте много других сотрудников. Как вы думаете, Гельмгольцу трудно выдавать себя за робота?

— Если Валленброк его опекает, то нет.

— Но ему могут поручить какое-нибудь невыполнимое для человека задание. Например, быстро перемножить два пятнадцатизначных числа. Или сочинить хокку со словом «идемпотентность».

— Навыками, которые свойственны только роботам, руководит компьютер, установленный параллельно мозгу. Гельмгольц может им пользоваться, как своим домашним компьютером.

— Что же вы теперь собираетесь делать?

— Еще не решил. Сначала мне хотелось бы поговорить с Гельмгольцем. Но я не знаю, как это сделать.

«Любопытная задача, — подумал Смартус, — найти человека, притворяющегося роботом». Потом сказал:

— Я помогу вам, но взамен обещайте ничего не предпринимать в ближайшие дни.

— Обещаю.

Взгляд Морица был полон надежды. Взгляд Смартуса — уверенности в том, что задача будет решена.

В огромном зале шел монтаж экспериментальной установки. Основные агрегаты скрывались внутри полового цилиндра, протянувшегося от одной торцевой стены до другой. На верхней плоскости цилиндра зияло вытянутое отверстие, из которого выбирались люди; по тому, сколь деловито они отряхивали руки, Смартус догадался, что монтаж установки подходит к концу. Многотонный кран уже держал наготове первый из четырех сегментов крышки. Валленброк спросил в громкоговоритель:

— Никого не забыли?

— Вонг все еще копается, — ответили ему.

Валленброк что-то сказал роботу под номером 4507. Тот взобрался по узкому трапу и, перегнувшись через край отверстия, начал там шарить. Наконец он выудил того, кого звали Вонг. Вместе они спустились вниз.

— Закрывайте! — скомандовал Валленброк.

Дюжина роботов, с гаечными ключами наготове, вмиг оказалась наверху цилиндра, собираясь принять и закрепить медленно подплывавшую крышку. «Не исключено, что Гельмгольц находится среди них, — подумал Смартус. — Это его эксперимент, и он должен быть где-то рядом».

К Смартусу подошел комиссар Жером и сказал, указывая на установку:

— А внутри мы так и не обыскали.

— Без ордера туда нельзя.

— Без меня вас не пустили бы дальше проходной. Зачем мы сюда притащились?

— Разведать обстановку.

— И долго нам ее еще разведывать?

— Пока не прояснится.

— За что я вас всегда уважал, Смартус, так это за умение давать исчерпывающие ответы, — пропыхтел Жером и отошел, уступая дорогу двум роботам, тащившим что-то наподобие сварочного агрегата.

«Знаком ли Гельмгольц со сварочными работами?» — глядя на них, подумал Смартус.

В зале сновало не менее двадцати роботов. Смартуса они будто не замечали.

— Это вы приказали им не отвечать на мои вопросы? — поинтересовался он у Валленброка.

— Вы же видите, они заняты.

— Вижу, — кивнул Смартус.

Роботы действовали очень слаженно. Когда очередной сегмент крышки опускался на нужное место, они становились по периметру и начинали завинчивать крепежные болты, намертво соединяя крышку с основанием установки. На каждого приходилось по восемь болтов. Перекладывая ключ из руки в руку, роботы быстро справлялись со всеми восьмью. Смартус следил за ними, как замороженный.

— Хорошо работают! — громко воскликнул он, снова приблизившись к Валленброку.

— Угу. Вы интересуетесь роботами или бомбой?

— Открою вам тайну, — прошептал ему на ухо Смартус, — я интересуюсь доктором Гельмгольцем.

Валленброк посмотрел на него как-то странно и проворчал:

— Вы опоздали. Он сейчас в другом месте. Очень далеко отсюда.

— Как бы не так! Идите к себе в кабинет и прихватите с собой робота номер сорок пять ноль один. Через минуту я к вам присоединюсь.

Лицо Валленброка сделалось каменным. Он процедил сквозь зубы:

— Что, если я прикажу вам немедленно убраться?

— Хорошо, я сам его позову. — И Смартус решительно направился к трапу, который вел вверх к роботам.

Валленброк преградил ему дорогу:

— Зачем вам Гельмгольц?

— Он остался должен мне две сотни.

Завлаб полез в портмоне. Купюры были мелкими, и двух сотен не набралось.

— Подождете, пока я дойду до банкомата?

— Идите. Тем временем я побеседую с Гельмгольцем.

Руки у Валленброка опустились. Смартус подобрал упавшую десятку и внушительно произнес:

— Через минуту у вас в кабинете.

После того как Валленброк и робот под номером 4501 покинули зал, Смартус досчитал до шестидесяти и пошел вслед за ними.

Он вернулся домой поздно вечером. Пифагор сидел перед компьютером и хмыкал каждые две секунды.

— Мориц звонил? — поинтересовался Смартус.

— Телефон оборвал! — Пифагор трижды хмыкнул.

— Что это с тобой?

— Никак не могу привыкнуть к... э... — Робот замолчал, как бы прислушиваясь к самому себе.

На экране был открыт сайт «Совершенный робот: бесплатные советы и программы».

— Смотри не подхвати чего-нибудь лишнего, — предупредил Смартус.

Пифагор опять звучно хмыкнул, уже удовлетворенно:

— Кажется, теперь вовремя.

— Ты о чем? — удивился Смартус.

— Помните, я установил программу ехидного смеха — ту, что иногда давала сбой?

— Помню. Ты почему-то сопел при анекдотах про блондинок.

— Раньше сопел, теперь не буду. На сайте выложили обновленную версию, и я ее установил. Заодно скачал

ФАНТАСТИКА

хмыканье. Все бы ничего, но в инструкции плохо прописано, в каких случаях нужно хмыкать.

— Разговаривая со мной — никогда! — отрезал Смартус и набрал номер телефона доктора Морица.

— Ну, наконец-то! — воскликнул Мориц. — Я звонил вам несколько раз, хотел поблагодарить.

— Гельмгольц с вами связался?

— Да, час назад. Мы очень хорошо поговорили. К сожалению, я не смог убедить его вернуться в мою лабораторию. Он останется у Валленброка. Время от времени я буду проверять его состояние.

— А как же научная слава?

— Он отказался от своей в пользу Валленброка. Придется поступиться и мне. Со временем найду другого пациента, не столь амбициозного... Гельмгольц не сказал, как вам удалось отличить его от остальных роботов. Вы не поделитесь со мной этой тайной?

— С удовольствием поделюсь. Все дело в том, что роботы одинаково владеют как правой рукой, так и левой. Когда они завинчивали болты, они держали ключ в той руке, которая была ближе к болту. Гельмгольц, будучи, как и большинство людей, так сказать, одноруким, держал гаечный ключ исключительно в правой. Этим он себя выдал.

— Так просто! Странно, что мне это не пришло в голову.

Смартус рассчитывал на более высокую оценку. Он не знал, что в среде ученых оценка «мне это не пришло в голову» едва ли не наивысшая. Поэтому и попрощался с Морицем довольно сухо. Положив трубку, он обнаружил, что Пифагор исчез из комнаты. Нашелся робот в чулане под лестницей, у ящика с инструментами.

— Ищешь гаечный ключ? — спросил Смартус.

— Да. Вы покажете мне, как не уметь пользоваться левой рукой?

— Конечно, покажу. Но начнем мы с другого.

— С чего же?

— С почерка. Неси бумагу и ручку.

Пифагор бросил ключ обратно в ящик. Бумага и ручка были наверху в кабинете. Он вышел из чулана и ступил на лестницу.

— Начинай с одной и той же ноги, Пиф, — сказал Смартус ему в догонку. — Например, как я, с правой.

